

УДК 316.334.56–053.81

Г.В. Разинский

МОЛОДЕЖЬ В ГОРОДЕ: ИСТОКИ, СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ

Представлены аналитические материалы исследовательского проекта, посвященные изучению роли и места молодежи в структуре региональной поселенческой общности. Исследованы факторы, влияющие на статус, ценностно-ориентационные предпочтения данной группы. Особое внимание уделяется такой ее сущностной характеристике, как маргинальность социального статуса и его влияния на те социальные функции, которые определяют местоположение данной группы в структуре городского социума. Выделяются два уровня факторов, определяющих социальные установки и образ жизни молодежи в городском социуме (общесоциальные и поведенческо-оценочные). Всесторонне анализируется роль и значение патернализма в процессе формирования и функционирования молодежных страт, его инфильтрация в их ценностно-поведенческий мир. Подробно анализируется интраструктура молодежной общности, выявляются сходства и различия между отдельными молодежными субстратами, делается вывод о наличии сущностных характеристик, отмечаемых для всех этих субгрупп, что объединяет их в одну молодежную метагруппу. Подчеркивается, что приоритетными ценностями для опрошенных независимо от характера основной занятости являются так называемые традиционные ценности, в которые входят крепкая семья, интересная работа, хорошие, надежные друзья, а также материальные ценности (высокие доходы, материальный достаток) и ценности стабильности (стабильное положение, уверенность в завтрашнем дне), что способствует консервации патерналистских проявлений в молодежной группе. В заключительной части излагаются возможные варианты реформирования региональной социальной политики, ориентированной на активизацию личностного потенциала молодежи и преодоления патерналистского синдрома.

Ключевые слова: *молодежь, социум, маргинализация, патернализм, региональная социальная политика.*

Молодежь – это одна из тех групп населения, для которых неопределенность, маргинальность социального статуса является сущностной характеристикой. Нынешнее положение молодых людей определяется, с одной стороны, их социальным происхождением, условиями социализации, в которых формируются склонности, предпочтения, ценностные ориентации, усваиваются образцы социального поведения, а с другой – теми социальными функциями, которые молодежи предстоит выполнять в будущем. Молодежь, занимающая промежуточное, пограничное состояние в слое, классе, обществе, напрямую связана с таким явлением, как упорядоченная маргинализация, когда личность (группа), переходя от одного этапа социального взросления к другому, теряет свои прежние статусно-ролевые и поведенческие характеристики и приобретает новые, свойственные данному этапу личностной социализации, и которая в дальнейшем будет преодолена в процессе интеграции в более или менее стабильную группу. К таким маргинально временным группам относятся в нашем

© Разинский Г.В., 2016

Разинский Геннадий Вениаминович – ст. научный сотрудник, завлабораторией социологии ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: labsoc@pstu.ru.

случае, например, школьники, студенты, другие представители молодежи, ограниченные возрастными рамками 14–30 лет. Отличительной особенностью такого рода маргинальности является ее социально заданный и жестко определенный характер, не позволяющий индивиду (группе) сохранить свой транзитивный статус достаточно длительное время и с неизбежностью выталкивающий их в заданную социальную нишу. И от того, в какую нишу она будет вытолкнута, зависят перспективы развития российского общества, в том числе переход от реликтов традиционного общества к обществу, построенному на инновационных технологиях, в том числе и в социальной жизни.

Прежде чем переходить к содержательной части нашей статьи, представляется необходимым вкратце охарактеризовать тот социум, частью которого является молодежь. Пермь представляет собой социально-территориальную общность, обладающую статусом (формальным и неформальным) центра Прикамья и города-мегаполиса, для которого характерно сочетание развитой промышленной инфраструктуры и исторически сложившегося культурного центра, население которого отличается достаточно высоким профессиональным, образовательным и культурным уровнем. Сочетание промышленного и культурного направлений оказывает влияние на специфику социального развития такого рода поселений и на социум его населяющий, в том числе и на ее молодежный сегмент [1, с.117–118].

Можно выделить 2 уровня факторов, определяющих социальные установки и образ жизни молодежи в городском социуме [2, с. 135].

Первый уровень дает представление о факторах общесоциальной значимости, применимой ко всем изучаемым общностям и явлениям социальной жизни. Структура этих факторов и их составляющих элементов следующая:

- социокультурные факторы – уровень образования, отношение к роли государства и уровень правосознания;
- социально-адаптационные факторы – отношение к рынку;
- социально-стратификационные факторы – отношение к социальной дифференциации;
- материально-статусные факторы – оценка уровня своего (и своей семьи) материального положения;
- поведенческо-оценочные факторы – уровень включенности в городскую общность, выбор стратегий поведения в кризисный период, оценка социального самочувствия.

Остановимся на каждой из этих групп факторов.

Социокультурные факторы. Во-первых, хотя молодежный социум еще не завершил учебный процесс, каждый 5-й имеет высшее или незаконченное высшее образование, что вместе с теми, кто имеет среднее профессиональное образование, составляет почти треть молодых респондентов. Тем не менее у почти 70 % оно существенно ниже, среди которых более четверти имеет не-

полное среднее образование, причем с каждым годом доля последних медленно, но неуклонно растет. Во-вторых, такая дифференцированность образовательного статуса пермской молодежи предопределила весьма высокую ориентацию на доминирующую роль государства, что демонстрирует патерналистскую ориентированность опрошенных, о чем речь пойдет ниже. В-третьих, и это вполне коррелирует с такой ориентацией, их отличает весьма неоднозначное отношение к роли законов в их жизни: более половины опрошенных не склонны к правовой лояльности.

Социально-адаптационные факторы. Наши данные показывают, что хотя значительная часть молодежи (49 % респондентов) заявила о своих прорыночных ориентациях, почти каждый 5-й вообще не воспринял рыночные реалии, а каждый третий сделал это вынужденно (45,6 %). Фактически речь идет о расколе в той группе, которая должна быть носителем прогрессивных тенденций.

Социально-стратификационные факторы в исследовании нашли отражение в отношении респондентов к социальному расслоению в обществе: опрошенные фактически раскололись на две примерно равные доли социально толерантных, склонных к признанию правомерности социальной дифференциации и социальных эгалитаристов, не признающих эту рыночную реальность и ориентирующихся на уравнилельские отношения.

Материально-статусные факторы, в частности соотношение оценки материального положения семьи и среднедушевого дохода, помимо всего прочего являются контраргументом абсолютизации материального положения как доминанты социального благополучия: существуют ножницы между реальным положением человека и его самооценкой, что определяется действием целого комплекса факторов, о чем и идет речь в настоящей статье.

Все это вместе взятое определяет содержание второй, поведенческо-оценочной группы факторов и явлений социальной жизни представителей молодежного сегмента городского социума, оказывающих опосредованное, но целенаправленное влияние на молодежные страты в границах поселенческих общностей, главными из которых являются:

1. Транзитивность молодежного статуса, его временный характер, что обусловлено так называемой упорядоченной, органической маргинальностью, которая связана с процессом социализации, усвоения социального опыта и социальных ролей, обеспечивающих успешную интеграцию в существующую систему социальных отношений или с выполнением непреложных обязанностей, необходимых для поддержания стабильности существующего государственного устройства (классическими типами маргиналов такого рода являются школьники, студенты, военнослужащие срочной службы) [1, с. 118]. В условиях трансформационных изменений в реестр таких процессов социализации, усвоения социального опыта и ролей оказываются включены и те проявления, которые характерны не только для органической, но и для «классической»

маргинальности, описанной, в частности, в работах Р. Парка [3, с. 174–175] и Э. Стоунквиста [4, с. 29–32], при которой, в частности, происходит критериальная смена социальной структуры общества и которую отличает высокий уровень маргинальности, приобретающей относительно самостоятельный и зачастую устойчивый и самодовлеющий характер.

2. Подверженность, в том числе и молодежи всепроникающему воздействию патерналистского синдрома. Основные его проявления (абсолютизация роли государства, конформистский образ мышления и поведения, деление мира на своих и чужих, затрудненное принятие инноваций, социальный эгалитаризм и отрицание социальной дифференциации, стремление к социальному иждивенчеству) [5, с. 82–84] присутствуют (хотя и в меньшей степени) и в молодежной среде.

Эта дифференциация и иерархичность (ее наличие или отсутствие) определяют тот или иной тип поведения в той или иной сфере жизни, что, в частности, подтверждается и отношением к социальной дифференциации: эгалитаристская ориентация, отрицание допустимости социальных различий в большей мере присущи тем, кто склонен разделять ценности патернализма, те же, кто допускает такие различия, в меньшей степени испытывают их воздействие (хотя в целом все-таки преобладает патерналистское видение мира).

Этот вывод подтверждается и тем, какой стиль поведения на товарном рынке выбирают молодые респонденты: ориентирующиеся на товары и услуги по низкой (доступной) цене в большей мере подвержены патерналистским настроениям, и наоборот, те, кто «берет» самую высокую ценовую планку, демонстрируют антипатерналистский настрой. Не случайно, что при выборе прожективного типа потребления в условиях кризиса патерналистские ориентации в большей мере распространены среди тех, кто выбирает нетоварный, нерыночный стиль поведения (выживание, пассивное ожидание и т.д.). Напротив, антипатерналистские настроения более характерны для тех, кто выбирает «новые», активно-деятельностные стили поведения (миграция, предпринимательство, финансовые операции и т.д.) [6, с. 33–34].

Об этом же свидетельствует характер ответов на вопрос о пользовании теми или иными практиками или технологиями на рынке приобретаемых товаров и услуг, проинтерпретированные нами с применением технологии О. Оберемко [7, с. 52]. Как правило, антипатерналистски ориентированные респонденты чаще пользуются современными продуктами, услугами и технологиями. Другие же (носители патерналистского синдрома) применяют, хоть и не столь устаревшие, но получившие широкое распространение технологии. Это, с одной стороны, подтверждает сделанный выше вывод о связи потребительского поведения обследуемой группы и выбора ею патерналистских или антипатерналистских ориентаций. С другой – подтверждает вывод о том, что патерналистский синдром, мимикрируясь, интегрируется в новые для себя потребительские технологии.

В целом патерналистские ориентации существенно снижают активистский потенциал. Как уже нами указывалось, патерналистский синдром образует систему барьеров, препятствующих позитивной интернализации молодежью стандартов активного освоения социальной реальности. Ими являются:

- авторитарная социализация, условия воспитания в родительской семье: лишь 1 из 4 воспитывался в демократической среде, тогда как 3/4 – в атмосфере авторитаризма;

- невысокая нацеленность на активное социальное продвижение: менее 40 % молодых респондентов оптимистично оценивают свои шансы на рост социально-профессионального статуса, тогда как более 50 % не испытывают по этому поводу оптимизма и оценивают свои шансы как средние;

- низкая готовность к самостоятельному материальному обеспечению: почти 3/4 рассчитывают на помощь родных и близких и только 1/4 готова к самостоятельному поддержанию своего материального статуса;

- ориентация на патерналистскую роль государства: лишь 1/3 рассчитывает на себя, тогда как 3/4 уповают на помощь государства;

- высокая нуждаемость в социальной помощи: в ней нуждается более 40 % молодых горожан, особенно продолжающих обучение;

- противоречивое отношение к рыночному укладу современного общества: при высоком (более 2/3 респондентов) вербальном приятии рынка почти 40 % не смогли к нему приспособиться;

- относительно высокий (по сравнению с более старшими возрастными группами) уровень распространенности эгалитаристских настроений и относительно низкий – признающих социальное многообразие (эгалитаристы – 40,4 %, социал-дифференты – 47,6 %);

- ориентация в своих политических интенциях на те типы государственного устройства, которые предполагают высокую степень государственного участия, обеспечивающего пассивно-потребительскую роль населения (таких доминирующее большинство – 81,4 %);

- слабая интегрированность в городской социум при невысокой горизонтальной и вертикальной мобильности;

- высокая релятивность жизненных норм и ценностей и низкий уровень законопослушания: более 40 % не считают возможным достижение жизненного успеха, не нарушая законов и нравственных норм, противоположную точку зрения разделяет примерно такое же количество респондентов;

- пассивное отношение к самоуправлению, ожидание помощи от официальных управленческих структур (47,7 % опрошенных считают, что самоуправление станет возможным, если это будет санкционировано вышестоящими инстанциями) [8, с. 421–422].

В ходе работы над исследовательским проектом особое внимание было уделено анализу внутренней структуры молодежной группы городского на-

селения. Автор исходит из того, что эта группа представляет собой конгломерат отдельных субкультур [9, с. 253]. В основе такого подхода лежит, с одной стороны, концепция социальной стратификации, которая по выражению Питирима Сорокина представляет собой «дифференциацию некоей совокупности людей на классы в иерархическом ранге... Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [10, с. 301], тогда как с другой – рассмотрение этой дифференциации как множественности субстрат внутри молодежного пласта городского социума, которым, как писал З.И. Файнбург, один из признанных авторитетов социологии культуры, «...свойственна не только своя особая социальная позиция, но и свой уровень культуры, своя в чем-то специфическая субкультура» [11, с. 108]. Такой подход позволяет рассмотреть анализируемую группу не как нечто монолитное, лишенное каких-либо различий, а как органически связанные между собой и одновременно различающиеся в своих ценностях, установках, поведении интрагруппы молодежной общности. Исходя из этого, выборочная совокупность социологического опроса, проведенного в рамках исследования, была представлена следующими субстратами молодежи:

1) учащаяся молодежь, которая представлена учащимися школ, профессиональных училищ, лицеев и студентами техникумов, колледжей, вузов;

2) работающая молодежь, представленная рабочими производственной и непроизводственной сферы, ИТР и специалистами различных отраслей хозяйства и служащими-неспециалистами;

3) безработная молодежь;

4) социально-дезадаптированная молодежь (незанятая, состоящая на учете в различных учреждениях: по делам несовершеннолетних, в наркодиспансерах, органах внутренних дел).

Данные проведенного пилотажного исследования, подтвержденного результатами базового опроса городской молодежи, позволили выявить то общее и особенное, что объединяет и дифференцирует отдельные субстраты городской молодежи [9, с. 254–258]. Основная проблема, выявленная на пилотажном этапе и подтвержденная результатами основного соцопроса, состоит в противоречии между потребностями, интересами, ценностными ориентациями, планами молодежи и возможностями их реализации в современных условиях, которое в каждой из внутримолодежных субгрупп проявляется по-своему. Объединяет их всех то, что приоритетными *ценностями* для опрошенных независимо от характера основной занятости являются так называемые традиционные ценности, в которые входят крепкая семья, интересная работа и хорошие, надежные друзья, а также материальные ценности (высокие доходы, материальный достаток) и ценности стабильности (стабильное

положение, уверенность в завтрашнем дне). На сегодняшний день опрошенной молодежи объективно удалось достичь лишь некоторые из них, в особенности, иметь хороших, надежных друзей.

Большинство респондентов в каждой сфере жизни стремится достичь большего, исходя, конечно, из значимости для них той или иной сферы. Однако не всегда и не всем это удается, поскольку, например, *учащиеся и социально-дезадаптированные* в силу своего возраста не могут еще полностью самореализоваться в труде, так как лишь незначительный их процент сегодня включен в трудовой процесс. Так, работа наиболее важна для *работающих и безработных*, самореализоваться же в труде на данный момент удалось только *работающим*. При этом *работающие* стремились, в основном, к социально-статусной самореализации и лишь во вторую очередь – к профессиональной, однако в реальной практике работа предоставляет им именно профессиональную самореализацию, причем при относительно невысокой удовлетворенности заработной платой и возможностями карьерного роста. *Безработные* же в силу своего социального статуса, естественно, в меньшей степени реализовались в труде. Они в гораздо большей мере стремятся к социально-статусной самореализации, нежели работающие.

Для *учащихся и социально-дезадаптированных*, т.е. для тех, кто включен в образовательный процесс, важной сферой жизнедеятельности является учеба. Однако для *социально-дезадаптированных* она менее важна по сравнению с работой и досугом. Для *работающей* молодежи учеба имеет важное значение, и у них более разнообразны образовательные планы, нежели у *безработных*, которых отличает желание пойти на курсы для получения какой-либо специальности, а *работающих* – желание поступить в вуз и желание получить второе высшее образование. *Учащиеся* в своих образовательных планах намерены продолжить обучение и закончить учебное заведение, в котором они сейчас учатся, также среди них есть те, кто ориентирован на поступление в вуз. Среди представителей *социально-дезадаптированной* молодежи желающие поступить в какое-либо учебное заведение выбирают, в основном, техникумы, колледжи, т.е. их образовательные планы по сравнению с таковыми у *учащейся* молодежи ориентированы на получение более низкого образования, менее высокого. Отличает *социально-дезадаптированных* и неопределенность представлений о своем дальнейшем образовании.

Выше всего уровень самореализации респондентов в тех сферах жизни общества, в которые они оказываются включенными в силу своего социального статуса. Так, более высок уровень самореализации в сфере образования у *учащейся молодежи*. *Работающие* сравнительно больше самореализовали свой личностный потенциал, свои потребности и притязания именно в труде. Своего рода аутсайдерами здесь являются *безработные*, которые в результате рыночного механизма регулирования трудовых отношений оказались ис-

ключенными из трудового процесса и по объективным и субъективным причинам уже не включены активно и в образовательный процесс, т.е. уровень самореализации у них в этих сферах значительно ниже, чем у представителей других молодежных групп. *Социально-дезадаптированные* хотя и являются, в основном, учащимися тех или иных учебных заведений, но у них достаточно низка ориентация на образование, на его получение и ниже уровень самореализации в этой сфере по сравнению с учащимися.

Подтверждением действия отмеченного противоречия является то, что *учащиеся и социально-дезадаптированные* более позитивно оценивают свои шансы на реализацию трудовых планов и достижение предпочтительного социально-профессионального статуса, нежели шансы на осуществление своих образовательных планов, т.е. не будучи реально включенными в трудовой процесс, он представляется опрошенным данных групп достаточно просто достижимой целью по сравнению с образовательным процессом, в который они сейчас включены. *Работающие и безработные*, напротив, более негативно оценивают свои шансы в отношении работы и более позитивно – в отношении учебы. Таким образом, чем более непосредственное отношение та или иная сфера имеет к молодежи, к той или иной ее группе, тем более проблематичным представляется процесс самореализации в ней.

Досуг занимает более важное место в жизни *социально-дезадаптированной*, а также *работающей и безработной молодежи*, тогда как у *учащейся* молодежи он оказался отодвинут на периферию поведенческих ценностей, хотя в количественном выражении для учащихся он более значим. Хотя досуг для всех обследуемых субгрупп молодежи имеет, в основном, рекреационно-коммуникативную направленность, среди *социально-дезадаптированных* широко распространена девиантная самореализация. В наибольшей степени в досуге удалось самореализоваться учащимся и *социально-дезадаптированным*, а в наименьшей – *работающим и безработным*. Однако парадоксальным образом у последних качественная самореализация в досуге выше, чем у *работающих*. При этом у *работающих* и в меньшей мере у *безработных* самореализация имеет позитивную направленность, тогда как у *социально-дезадаптированных* – негативную.

Общественно-политическая деятельность важной сферой жизни выступает для наименьшего количества респондентов в каждой группе молодежи. Ценности политической деятельности для молодых людей вообще практически не имеют никакого значения. В данной сфере жизни общества они объективно проявляют достаточно низкий уровень активности. Однако и здесь наблюдается определенная дифференциация: несколько выше он у *работающих*, хотя и ограничивается участием в выборах, *безработные* же, имея право участвовать в выборах, зачастую в большинстве своем этим правом не пользуются. В целом в данной сфере самореализация молодежи самая низкая.

Таким образом, анализ полученных данных зафиксировал существенные различия отдельных групп молодежи, в частности, в той или иной сфере городской жизни, в чем отразились особенности их интракультур. При этом несмотря на выявленные различия, перечисленные выше особенности образа жизни и поведения молодежи и два уровня факторов, влияющих на это, накладывают свой отпечаток на каждую из молодежных интрагрупп и свойственные им субкультуры. И то и другое не может не учитываться при формировании региональной социальной политики.

Резюмируя вышесказанное, отметим основные особенности, характеризующие молодежь как социальную группу.

Во-первых, основные характеристики молодежи Перми как одной из субстрат российского общества в своих основных проявлениях повторяют закономерности, характерные как для всего российского социума, так и Пермского региона. Наблюдаемые различия носят в большинстве своем по преимуществу количественный характер.

Во-вторых, молодежь как часть поселенческого социума относится к тем группам населения, чьи ценностно-поведенческие характеристики отличает неопределенность, маргинальность социального статуса, являясь сущностной характеристикой, вследствие чего она испытывает, с одной стороны, давление норм и традиций прошлого, ретранслятором чего является процесс первичной социализации, тогда как с другой – прежде всего в процессе вторичной социализации – интернализует ценности, установки, стандарты поведения окружающего социального бытия, в той или иной степени находящиеся в оппозиции к прошлому. Именно этим объясняется противоречивость позиций молодежи как в ценностно-ориентационном поле, так и в активно-деятельностном поведении.

В-третьих, приведенные данные свидетельствуют, что хотя вектор направленности молодежной субстраты отличается продвижением в сторону приятия реалий современного общественного развития, тем не менее в силу указанных выше причин и особенно проникающего воздействия такого доминантного процесса, как синдром патернализма, в молодежной субкультуре весьма сильны проявления атавизмов традиционного общества, хотя и в существенно меньшей степени, чем в других социальных стратах, что препятствует достижению того уровня, который необходим для качественного преобразования общества.

Ценностно-поведенческие особенности молодежи в структуре поселенческой общности можно представить в виде двух следующих разнонаправленных моделей: консервативно инерционной и деятельно-динамической [12, с. 138–139].

Консервативно-инерционная модель базируется на традиционных представлениях жизненного успеха. Для ее приверженцев характерен низкий уровень материальной обеспеченности, пассивно выжидательный, социально-иждивенческий патерналистский подход, ожидание помощи извне (прежде всего от государства), слабая развитость адаптивных механизмов, что затрудняет их интегра-

цию в рыночную систему отношений, неприятие социальной дифференциации и стремление к социально уравнивающим отношениям, неразвитость правого самосознания, отчужденность от социальной среды, слабая интегрированность в городской социум при низкой горизонтальной и вертикальной мобильности, нежелание и неумение самостоятельного преодоления жизненных трудностей, пессимистическая оценка своих жизненных перспектив.

Деятельностно-динамическая модель отличается нацеленностью на активное освоение окружающей социальной среды. Ее приверженцев отличает достаточно высокий уровень материальной обеспеченности, в своей повседневной жизненной практике они рассчитывают прежде всего на собственные возможности, менее зависимы от других (в том числе и от государства), демонстрируют высокие адаптивные способности, интегрированность в рыночные отношения как на вербальном, так и на поведенческом уровнях и в городской социум при высокой вертикальной и горизонтальной мобильности. Их отличает высокий уровень правосознания, толерантное отношение к социальной дифференциации, стремление (и реализация) к личностной активности в освоении всех уровней социальной среды, желание и умение выбора оптимального варианта преодоления жизненных коллизий.

Как видно из описания представленных моделей, пунктом расхождения оказывается прятие/неприятие патерналистского видения окружающей социальной среды и соответствующего типа поведения в нем, из чего следует, что доминантным направлением региональной социальной политики должна стать активизация социального потенциала молодежи.

Как мы уже неоднократно отмечали, патернализм представляет собой синдром, оформившийся на протяжении всей российской истории в социальный субститут, определяющий практически все стороны социального бытия общественного развития, в том числе и региональные социальные процессы [5, с. 82–84; 13, с. 198–201].

Как показывают исследования¹, даже смена системообразующих оснований, не исключая перехода на рыночные рельсы, не могут «отменить» его влияние. Его тотальность связана не только с этой его всеобъемлющостью, но и с тем, что ему в той или иной степени подвержены все слои социально-стратификационной структуры сверху донизу. Даже те группы, которые находятся в верхней части социальной иерархии, испытывают воздействие данного синдрома, что является одним из основных, хотя и не единственным препятствием для его преодоления. А если учесть, что «командующие», лидерские группы формируют социальную повестку общественного развития, это не может не создавать трудности в разработке социальной политики, нацеленной на реструкту-

---

¹ Синдром патернализма как системообразующий фактор развития российского общества: региональный аспект. Грант РГНФ, проект Т12-03-00063, 2012–2014 гг.

ризацию скреповых основ общества, консервирующих патерналистские настроения. Речь, таким образом, идет о формировании социальной политики, которая требует не только стимулирования гражданской активности основных, массовых групп общества, но и самопреодоления патерналистских тенденций в управленческой элите общества на всех ее этапах (федеральном, региональном, муниципальном). Без этого любые благие намерения по социальной модернизации общества останутся нереализованными. Рассчитывать на то, что отказ от патерналистской модели возможен без участия в этом властных структур, которые также должны принять антипатерналистскую идеологию.

Это означает, что в концепцию соответствующей социальной политики, в том числе и на региональном уровне, должны быть внесены существенные коррективы. К ним относятся:

- определение в качестве стратегической цели социальной политики преодоление патерналистских общественных настроений;
- развитие системы горизонтальных связей и отношений в дополнение, а в перспективе и в замещение как единственной дихотомической властной вертикали; создание условий плюрализации общественных инициатив;
- формирование условий, способствующих преодолению «немонетарных форм отношений» [8, с. 423–424];
- изменение роли и содержания деятельности управленческих структур, которые должны не подменять или тормозить рост гражданской активности, тем самым способствуя распространению социальной индифферентности, пассивности, нежеланию (и неумению) включиться в процесс социальных преобразований, а, во-первых, обеспечивать стартовые условия, необходимые для реализации личностного потенциала, во-вторых, и это главное, разрабатывать систему мероприятий, способствующих к активному подключению тех или иных групп населения в решении стоящих перед страной, регионом, муниципалитетами задач и проблем.

Таким образом, социальная политика, ориентированная на преодоление патерналистских тенденций в городском социуме, включая и молодежную его часть, предполагает реализацию следующих целевых задач [8, с. 424]:

- 1) определение базовых проблем, к решению которых должны быть подключены те или иные группы населения;
- 2) определение круга задач, находящихся в ведении госструктур региональных уровней: стартовые условия (материальные, организационные, информационные и др.), обеспечивающие возможность подключения групп населения края к реализации социальных проблем;
- 3) составление реестра групп населения, нуждающихся в создании такого рода условий;
- 4) разработка комплекса организационно-управленческих мероприятий, способствующих подключению тех или иных групп населения к решению

стоящих перед регионом и его жителями задач и проблем (разработка системы предпочтений для тех групп, которые включаются в данный процесс);

5) отказ от методов управления, способствующих консервации традиционных отношений в обществе и подпитывающих патерналистские настроения.

Формирование современной социальной политики должно быть ориентировано, с одной стороны, на улучшение качества жизни ныне живущих поколений (уровень жизни, оптимальное экономическое поведение, рост образования, создание условий для здорового образа жизни, благоприятные возможности для самореализации в различных сферах жизни), тогда как с другой – на поиск таких путей активизации личностного потенциала основных социальных групп, которые придадут социальным процессам позитивную направленность (реструктуризация экономики, упорядочение спроса и предложения на рынке труда и занятости, урегулирование и повышение качества миграционных процессов, рост толерантности, готовность к принятию перемен основными группами населения, рост образовательного и культурного уровня, формирование современной структуры социальных норм, ценностей, установок, в частности, культуры семейных отношений и планирование процессов рождаемости, путей, преодоление отчуждения власти от общества), лишь после чего можно вести речь о расширенном воспроизводстве человеческих ресурсов.

Выявленные особенности-проблемы молодых горожан, помимо их собственной значимости и, следовательно, влияния как на молодежь, так и на городскую ситуацию в целом, связаны (или опосредованы) с нерешенностью базовых проблем пермской молодежи (занятость, образование, семья, жилье, досуг).

И хотя возможен частный вариант воздействия на вышеперечисленные особенности-проблемы, их радикальное разрешение невозможно без решения самих этих проблем. Системным вариантом такого решения может стать разработка городской целевой социальной программы «Молодежь Перми», в которой основной упор должен быть сделан не на патерналистско-государственные решения, а на обеспечение стартовых позиций молодежи. Вместе с тем, не дожидаясь этого, возможно принятие целого комплекса мер, которые способствовали бы смягчению этих проблем.

Так, в *сфере образования и занятости* это предполагает создание с учетом имеющихся ресурсов системы непрерывного профессионального образования, что может быть достигнуто, во-первых, созданием единого банка данных о ситуации на рынке труда, куда будет поступать информация с отдельных предприятий, учреждений города, из городской службы занятости, из учреждений образования, во-вторых, организацией мониторинга профессиональных планов и ориентаций будущих работников (ныне учащихся школ города), в-третьих, создание городской системы ориентации и профотбора будущих работников, в-четвертых, концентрацию имеющей кадровых, материальных и финансовых ресурсов с целью наиболее эффективного их использования в системе профобразования города.

В *сфере семейно-бытовых отношений* – прежде всего, решение жилищной проблемы (например, развитие различных вариантов ипотеки), создание условий повседневной жизни, стимулирующих рост рождаемости в молодых семьях, развитие форм социальной поддержки молодой семьи, предполагающих активизацию их собственного потенциала, развитие гражданской активности молодежи в создании некоммерческих общественных объединений, пропагандирующих ценности семейной жизни, восстановление на новой рыночной основе, с привлечением средств предприятий и частных инвесторов, системы детских дошкольных учреждений и развитие (восстановление) системы внешкольного развития детей.

В *сфере социальной активности* – создание условий, стимулирующих собственную активность молодежи, ее включение в управленческие процессы как на уровне предприятий (учреждений), так и в масштабах города (как возможный вариант – квотирование доли молодежи в деятельности различных управленческих структур), развитие системы неформальных общественных объединений по тем или иным интересам молодежи, выявление и поддержка молодежных инициатив, а не навязывание тех или иных мероприятий сверху, которые, как показывают данные настоящего исследования, практически не воспринимаются молодежью. Активизация деятельности политических партий по привлечению молодежи в реальную политику.

В *сфере досуга* – восстановление в полном объеме на должном уровне и с достаточным финансированием работы учреждений культуры и досуга с привлечением качественно новых технологий, в частности, Интернета, мобильной связи и т.д., а также уделение особого внимания развитию массовых форм физкультуры и спорта.

Что касается *борьбы с правонарушениями*, то действия прямого назначения вряд ли дадут должный эффект, так как они не будут задевать корневые причины криминализации городской жизни, о чем шла речь выше. В то же время мерой, рассчитанной на долговременный эффект, может являться развитие системы профилактики социального сиротства, являющегося одним из источников криминализации, irradiирующей его на всю городскую общность. Развитие таких форм семейного воспитания социально неблагополучных детей, как семейно-воспитательная группа, патронатная и приемная семьи, организация мониторинга неблагополучных семей могут существенно сузить в перспективе социальную базу развития криминальных процессов и, как побочный эффект, обеспечить создание новых рабочих мест (приемные родители) и улучшить социально-психологическую атмосферу в семье.

В целом же успешное преодоление выявленных дисфункций в положении молодежи в городском социуме возможно лишь при условии минимизации этатистского вмешательства в молодежные процессы и стимулирования гражданской активности, что будет способствовать активизации личностного по-

тенциала молодежных групп и снижению порога отчуждения, свойственного современному социуму в целом и его молодежному сегменту в частности.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 15-13-59001, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Список литературы

1. Разинский Г.В., Стегний В.Н. Студенты Прикамья: статус, ценности, поведение // *Власть*. – 2015. – № 9. – С. 117–124.
2. Разинский Г.В. Социальные факторы, определяющие социальное благополучие/неблагополучие в современном городе (по материалам мониторинга общественного мнения населения Перми) // *Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: системные междисциплинарные исследования: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.* / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – С. 132–136.
3. Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // *Социальные и гуманитарные науки. Социология*. – 1998. – № 2. – С. 172–175.
4. Стоунквист Э. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // *Личность. Культура. Общество*. – 2006. – Т. 8, вып. 1. – С. 9–36.
5. Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы XI Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга*. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – С. 82–85.
6. Слюсарянский М.А., Разинский Г.В. Стратегии поведения городского населения // *Социологические исследования*. – 2010. – № 10. – С. 30–34.
7. Оберемко О. Кого мы называем «Люди–XXI» // *Социальная реальность*. – 2008. – № 3. – С. 42–65.
8. Разинский Г.В. Социальная активность городского социума как объект региональной социальной политики // *Социокультурное развитие Большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы XX Уральских социологических чтений*. – Екатеринбург, 2015. – С. 421–424.
9. Разинский Г.В. Молодежь городского социума как конгломерат субкультур // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы XIV (заочной) Всерос. науч. конф., посвященной памяти З.И. Файнбурга*. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. – С. 253–259.
10. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // *Человек, цивилизация, общество*. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
11. Файнбург З.И. Культурная дифференциация в социалистическом обществе и некоторые ее социальные следствия // *Личность. Группа. Общество: сб. науч. тр.* – 1971. – № 90. – С. 102–122.

12. Разинский Г.В. Факторы, определяющие социальное благополучие/неблагополучие в современном городе // *Власть*. – 2014. – № 6. – С. 136–140.

13. Разинский Г.В. Общественное мнение населения Перми в условиях стабильности и кризиса // *Современный город: власть, управление, экономика: сб. науч. тр. науч.-практ. конф.* – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – С. 194–201.

References

1. Razinskii G.V., Stegnii V.N. *Studenty Prikam'ia: status, tsennosti, povedenie* [Students of Prikamie: status, values, behavior]. *Vlast'*, 2015, no. 9, pp. 117–124.

2. Razinskii G.V. *Sotsial'nye faktory, opredel'aiushchie sotsial'noe blagopoluchie/neblagopoluchie v sovremennom gorode* [Social factors determining the social well-being/ill-being in a modern city]. *Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. "Sotsial'naiia bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviakh novoi obshchestvennoi real'nosti: sistemnye mezhdistsiplinarnye issledovaniia"* [Proc. All-Russ. Sci.-Pract. Conf. "Social security and protection of humans in novel social reality: system interdisciplinary studies"]. Perm, PSU, Perm, 2009, pp. 132–136.

3. Park R.E. *Cultural Conflict and the Marginal Man. Theories of Society*. New York, 1965 (Russ. ed.: Park R. *Kul'turnyi konflikt i marginal'nyi chelovek. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Sotsiologiya*, 1998, no. 2, pp. 172–175).

4. Stonequist E.V. *The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict*. Russell & Russell Publ., New York, 1961 (Russ. ed.: Stounkvist E. *Marginal'nyi chelovek: issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2006, vol. 8, no. 1, pp. 9–36).

5. Razinskii G.V. *Paternalizm: strukturnye kharakteristiki* [Paternalism: structural characteristics]. *Mater. XI Vseross. nauch. konf. "Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovani"* [Proc. XI All-Russ. Sci. Conf. "Modern society: theory, methodology, methods of social studies"]. Perm, PNRPU, 2012, pp. 82–85.

6. Sliusarianskii M.A., Razinskii G.V. *Strategii povedeniia gorodskogo naseleniia* [Strategy of urban population behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2010, no. 10, pp. 30–34.

7. Oberemko O. *Kogo my nazyvaem «Liudi–XXI»* [Whom we call "people-XXI"]. *Sotsial'naiia real'nost'*, 2008, no. 3, pp. 42–65.

8. Razinskii G.V. *Sotsial'naiia aktivnost' gorodskogo sotsiума kak ob'ekt regional'noi sotsial'noi politiki* [Social activity of urban society as an object of the regional social policy]. *Mater. XX Ural'skikh sotsiologicheskikh chtenii "Sotsiokul'turnoe razvitie Bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy"* [Proc. XX Ural Sociological Readings "Sociocultural development of Great Ural: trends, problems, prospects"]. Ekaterinburg, UMC-UPI Publ., 2015, pp. 421–424.

9. Razinskii G.V. *Molodezh' gorodskogo sotsiума kak konglomerat subkul'tur* [Young urban society as a conglomerate of subcultures]. *Mater. XIV Vseross. nauch.*

konf. "Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovani" [Proc. XIV All-Russ. Sci. Conf. "Modern society: theory, methodology, methods of social studies"]. Perm, PNRPU, 2015, pp. 253–259.

10. Sorokin P. Sotsial'naiia stratifikatsiia i mobil'nost' [Social stratification and mobility]. *Chelovek, tsivilizatsiia, obshchestvo*. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p.

11. Fainburg Z.I. Kul'turnaia differentsiatsiia v sotsialisticheskom obshchestve i nekotorye ee sotsial'nye sledstviia [Cultural differentiation in socialist society and some of its social consequences]. *Lichnost'. Gruppy. Obshchestvo*, 1971, no. 90, pp. 102–122.

12. Razinskii G.V. Faktory, opredeliaiushchie sotsial'noe blagopoluchie / neblagopoluchie v sovremennom gorode [Factors determining the social well-being/ill-being in a modern city]. *Vlast'*, 2014, no. 6, pp. 136–140.

13. Razinskii G.V. Obshchestvennoe mnenie naseleniia Permi v usloviakh stabil'nosti i krizisa [Public opinion of the Perm population in a stable period and a crisis]. *Sovremennyi gorod: vlast', upravlenie, ekonomika*. Perm, PNRPU, 2012, pp. 194–201.

Получено 11.04.2016

G.V. Razinsky

THE YOUTH IN THE CITY: ORIGINS, STATUS AND TRENDS

The article presents the analysis of the research project devoted to the role and place of the youth in the regional settlement structure. The factors influencing the status and system of values of this social group are explored. Special attention is given to the analysis of its essential characteristic which is marginality of a social status, and its impact on the social functions, defining this group within the urban society. The two major aspects, determining the youngsters' social settings and lifestyle in the urban society are general-social and behavioral-evaluative ones. The role and the value of paternalism in the process of the youth strata formation and functioning are thoroughly analyzed, along with the infiltration in their axiological and behavioral system. The infrastructure of the youth community with its similarities and differences between certain substrates is deeply analyzed. In conclusion the authors put forward an idea of the existence of essential characteristics that are typical of all the subgroups, which makes it possible to put them into one youth meta-group. The authors stress the fact that among the top-priority values of the respondents, regardless of their activities, there are close-knit family, interesting job and decent, reliable friends, as well as good income, good standing and confidence in the future, which all contribute to the youth paternalistic manifestations conservation. In conclusion, a set of regional social policy reformation options is proposed, which is aimed at the youth personal potential actualization and at overcoming the paternalistic syndrome.

Keywords: *youth, society, marginalization, paternalism, regional social policy.*

Razinsky Gennady Veniaminovich – Senior Researcher, Head of the Laboratory of Sociology, Perm National Research Polytechnic University, e-mail: labsoc@pstu.ru.